

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 8 ноября 1881
27 октябръ

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie.** Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: **rédaetion du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.** Желавущихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Государственный землі—фондъ для переселенія крестьянъ; мѣры противъ кулачества евреевъ-талмудистовъ; посылка крестьянамъ своего выборнаго въ совѣщаніе свѣдущихъ людей и его заявленіе о дарованіи народу воли заправлять общественными дѣлами; стремленіе къ общему обособленію. Антинародное стремленіе къ централизациі заграничныхъ группъ польскихъ социалистовъ. — 2) Верховная власть начинаетъ приходить въ сознаніе. — 3) Историческая Польша и великорусская демократія, XI, *М. Драгоманова.* — 4) Подарки территорій, сдѣланные русскимъ правительствомъ иностраннымъ державамъ (окончаніе), *Бытало дипломата.* — 5) Воззваніе группъ польскихъ социалистовъ къ русскимъ. — 6) Письма о рабочемъ движеніи, IX: Стачки рабочихъ во Франціи. Усиленіе организационной дѣятельности въ средѣ пролетаріата подл. влияніемъ этихъ стачекъ. Отношеніе къ нимъ «рабочей партіи». — 7) Извѣстія и замѣтки: Судъ за насиліе подл. видомъ вознагражденія за службу правительству. Боснійск. мусульманши о присоединеніи къ Австріи. Предварительная цензура въ Австріи. Дипляндия въ Болгаріи. Открытіе памятника рядовому Архиму Осипову. Краковскій процессъ и выдача эмигранта русскому правительству.

Женева, 8 ноября.

Особое совѣщаніе свѣдущихъ людей, созванныхъ для разсмотрѣнія вопросовъ объ упорядоченіи крестьянскихъ переселеній и ослабленіи пьянства въ народѣ, по первому изъ означенныхъ вопросовъ постановило въ заключеніе, что „казенныя земли должны быть признаны неприкосновенными и неотчуждаемыми, съ назначеніемъ служить фондомъ для переселенія крестьянъ“. Это важное постановленіе, въ которомъ нельзя не видѣть отраженія народныхъ взглядовъ, составляетъ цѣлую эпоху въ русской государственной-экономической жизни. Отнынѣ положенъ предѣлъ хищничеству орды чиншниковъ, царскихъ любимцевъ и прислужниковъ, разныхъ наперстниковъ и наперстницъ вплоть до генералъ-губернаторскихъ гувернантокъ, еще такъ недавно растаскивавшихъ неотчуждаемое народное достояніе — земельный государственный фондъ. Правительство уже не можетъ вернуться къ „старому доброму времени“ Пе-

тровъ, Екатерины и Валуевыхъ, не возбуждѣвъ противъ себя всенароднаго негодованія, не выставивъ себя на позоръ передъ общественнымъ мнѣніемъ всего цивилизованнаго міра.

По второму вопросу, благодаря энергическимъ рѣчамъ Галагана, Гордѣенко, Рачинскаго и др., преимущественно уроженцевъ южной Россіи (не имѣемъ права сказать представителей южнорусскаго населенія), совѣщаніе свѣдущихъ людей опредѣлило большинствомъ голосовъ:

„Безусловно устранить евреевъ-талмудистовъ отъ питейной торговли оптомъ и раздробительно въ селеніяхъ, городахъ и мѣстечкахъ“.

Сами евреи талмудисты тому виновны. По справедливому замѣчанію Гордѣенко, еврейское кулачество отличается отъ русскаго кулачества тѣмъ, что послѣднее ослабляется извѣстными связями съ населеніемъ, „еврейское же кулачество является врожденнымъ, потомственнымъ и національнымъ“, а по словамъ Галагана, „еврей, держащій шинокъ, имѣетъ цѣлью не продажу вина, а эксплуатацію цѣлой мѣстности“, факты же показываютъ, что „населеніе южныхъ губерній изнемогаетъ подл. еврейскимъ игомъ“ и что „все мѣры, принимавшіяся противъ еврейской эксплуатаціи, остаются безслѣдными“.

И въ этомъ почти единогласно одобренномъ средствѣ противодѣйствія эксплуатаціи народныхъ массъ приняло среднюю позицию нельзя не видѣть рѣшенія согласнаго съ волею народа и рекомендованнаго еще прежде правительству нѣкоторыми земствами южнорусскихъ губерній.

Что бы ни говорили Аксаковы и имъ подобные народолюбцы, отрицающіе право народа управляться по своему усмотрѣнію и между строкъ совѣтующіе выборнымъ представителямъ не исполнять данныхъ

имъ полномочій*), по примѣру нынѣ пропихивающаго совѣщанія свѣдущихъ людей показывать, что даже и не выборные земскіе люди, коль скоро имъ предоставляють свободу мнѣнія, не дерзають высказываться вопреки справедливому чувству народнаго негодованія и несогласно съ понятіями, установившимися въ сознаніи массъ.

Замѣчательна также та отзывчивость, съ которою встрѣчено народомъ разныхъ мѣстностей Россіи дѣло непосредственно затрогивающее бытовую народную жизнь. Говорятъ, что редакція „Сельскаго Вѣстника“ — этого, къ сожалѣнію, правительственнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственнаго органа печати, который имѣетъ коекакой доступъ въ народную среду, — завалена *крестьянскими* письмами по питейному дѣлу. Населеніе же одной волости Сычевскаго уѣзда пошло еще далѣе. Не дожидаясь никакихъ правительственныхъ предложеній подать свое мнѣніе, оно, къ стыду нашихъ нынѣшнихъ правителей, повидному недогадывающихся объ некомпетентности народа міромъ разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ, избрало изъ своей среды довѣреннаго человека (крестьянина Сорокина) и послало его въ Петербургъ заявить совѣщанію свѣдущихъ людей свой взглядъ на дѣло. Этотъ довѣренный человекъ не затѣйливый, но поучительно образнымъ словомъ выяснилъ избранному правительствомъ совѣщанію свѣдущихъ людей, что крестьянинъ далеко неравнодушенъ къ дѣламъ внутренняго управленія и самъ можетъ смотрѣть за своимъ и казеннымъ дѣломъ и будетъ смотрѣть охотно, коль скоро получитъ на то волю. Очевидно, слѣдовательно, что крестьянинъ въ Россіи не чуждается болѣе во-

*) См. нашу передовую статью въ № 12 „Вольнаго Слова“.

Весьма похожее на то, что сказано особенно в началѣ вышеприведенной выпечки — и даже терминъ — *обще-національный*, какъ противоположность племенному, народному, — при чемъ терминъ „общенаціональный“ понимается вовсе не въ предѣлахъ дѣйствительной націи (какъ напр. общевеликорусскій сравнительно съ повгородскимъ, московскимъ и т. п.), а въ предѣлахъ государства съ оффициальное національностью, которая должна покрыть все самыя разнонаціональныя населенія, — мы читали десятки разъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Интересно, что почти тоже недавно мы прочитали въ статьяхъ противъ украинскаго движенія, написанныхъ г. Л. Алексеевымъ отъ имени русскихъ „народниковъ изъ Малороссіи“, въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1881 г. Родоначальниками всей этой радикальной катковщины во всей Европѣ были французскіе якобинцы времени Великой Революціи съ ихъ борьбою противъ всякихъ провинціальныхъ самостоятельности, отъ политическаго федерализма и до народныхъ языковъ (не только нарѣчій французскаго языка, но и провансальскаго и даже бретонскаго, итальянскаго, нѣмецкаго), которымъ они противопоставляли языкъ французскій, какъ *національный* (о последнемъ см. напр. статью «La Convention et les idiomes locaux» въ *Mélange de linguistique et d'anthropologie* par Ab. Hovelacque etc. 1880, 226—238). Вотъ ввиду такихъ соображеній, слова „Набата“ и получаютъ значеніе, надъ которымъ очень серьезно стоитъ подумать тѣмъ, кто не желаетъ Россіи катковщины ни монархической, ни якобинской.

Уже въ самомъ началѣ тирады „Набата“ бросается въ глаза признаніе за нѣчто нормальное государственнаго давленія на національныя различія и доктрины государственной національности, которая почти столько же надѣлала бѣдъ съ к. XVIII ст., какъ надѣлала бѣдъ въ XVI—XVIII в. доктрина государственности. Интересно при этомъ, что перечисляя общенаціональные типы, „Набатъ“ не называетъ напр. ни обще-австрійцевъ,

ни обще-швейцарцевъ. Дѣло въ томъ, что вовсе не всякое государство стираетъ національныя особенности, — а только государства военно-бюрократическія, централизованныя, — исключая Сѣв. Ам. С. Штатовъ, которые имѣютъ дѣло не съ націями, а съ колонистами разныхъ націй, приѣзжающими въ среду націй англосаксонской. При этомъ вышеупомянутыя государства стираютъ особенности вовсе не всехъ націй, а только покоренныхъ и при этомъ покровительствуютъ развитію національности господствующей, на которую и опираются подобныя государства. Во Франціи напр. „общепарузы“ состоятъ прежде всего изъ французовъ, потомъ изъ оранжуженныхъ провансальцевъ, бретонцевъ, басковъ, фламандцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, — и ихъ точнѣе всего слѣдовало бы называть просто французами, какъ всехъ обрусѣвшихъ или общеруссовъ — просто великоруссами. Вотъ почему въ такихъ государствахъ, въ которыхъ претендующая на господство національность сравнительно не очень сильна, — и не можетъ образоваться прочный государственно-національный типъ. Такова напр. Австрія, въ которой прежде хотѣли сдѣлать такимъ типомъ нѣмецкій, — и въ которой теперь уже стараются лѣпить, говоря языкомъ „Набата“, — ви. обще-австрійцевъ, — обще-нѣмцевъ, обще-венгровъ, обще-хорватовъ, обще-поляковъ (въ Галиціи). Мы сомнѣваемся чтобы и эта лѣпка привела къ какому нибудь не только полезному, но даже просто прочному результату, — но во всякомъ случаѣ вотъ уже вѣтъ „страна, или лучше государство“, въ которомъ „общенаціональнаго“ типа нѣтъ, такъ какъ обще-австрійцы есть развѣ между шпіонами, шулерами да кокотками. По другимъ причинамъ, нѣтъ обще-національнаго типа въ Швейцаріи, какъ въ государствахъ, въ которыхъ нѣтъ господствующей національности, — а есть граждане четырехъ національностей, во всемъ равноправныхъ, объединенные между собою сознаниемъ выгоды такого равноправнаго союза. Въ этомъ сознании и состоитъ, если уже хотите, обще-швейцарская національность, но такая обще-национальность не имѣетъ ничего общаго съ тою, о которой говоритъ „Набатъ“. Она подходит къ обще-человѣчности, какую совершенно напрасно „Набатъ“ ставитъ, какъ синонимъ своей „общенаціональности“. Такую обще-человѣчность порождаетъ напр. вліяніе науки, которую „Набатъ“ тоже совершенно напрасно поставилъ въ одинъ рядъ съ военно-бюрократическимъ государствомъ и съ распространяющимъ общее малокровіе и худосочіе капиталистическою фабрикою. Наука, — какъ и свобода, — федерируетъ національности и культивируетъ ихъ, сглаживая ихъ слабости и развивая ихъ сильныя стороны, — и возводитъ націю до челоуѣчества, — а военно-бюрократическое государство, даже въ случаѣ успѣха, только замѣняетъ одинъ національности другими, часто далеко не лучшими, а въ случаѣ неуспѣха, только рождаетъ ненависти между національностями. Затѣмъ, даже при успѣхѣ вліянія государства на національности, черезъ

подавленіе національностей негосударственныхъ, неизбѣжно должно совершаться культивированіе у первыхъ преимущественно тѣхъ чертъ, которыя нужны военно-бюрократическому государству, т. е. чертъ съ одной стороны угловатыхъ и хищническихъ, а съ другой прилиженныхъ, т. е. во всякомъ случаѣ чертъ служебныхъ, а вовсе не челоуѣческихъ.

Справедливость сейчасъ сказаннаго доказывается наблюденіемъ надъ населеніемъ тѣхъ именно мѣстностей, гдѣ процессъ вліянія привилегированной національности имѣлъ наиболѣе приложенія; — такова напр. Пруссія, — которая сложилась черезъ насильственную германизацию славянъ и литовцевъ: безспорно особенности прусска отъ другихъ нѣмцевъ самыя несимпатичныя изъ всехъ нѣмецкихъ особенностей и противны именно, какъ антитеза общечеловѣческому идеалу. Едва ли также съ точки зрѣнія этого идеала можно отдать предпочтеніе и привѣтствуемому „Набатомъ“ типу великорусскаго или овеликорусскаго (по „Набату“ общенаціональнаго) *фабричнаго* передъ типомъ напр. украинскаго поселенина или казака, котораго нѣкоторыя черты такъ симпатично набросалъ напр. Чернышевскій въ приведенной выше выдержкѣ. Также слѣдуетъ сказать и объ „общенаціональномъ“ типѣ русскаго солдата, въ которомъ собираются почти все наименѣе симпатическія черты великорусскаго племени и черезъ армію накладываются на индивидуумы всехъ націй, подчиненныхъ великорусскому государству *).

Что же касается до пользы для челоуѣчества стиранія не только національностей, но даже индивидуальностей, то мы считаемъ излишнимъ и говорить объ этомъ. Тотъ, кто представляетъ себѣ социалистическій идеалъ не въ видѣ арачьевскихъ военныхъ поселеній, а именно въ видѣ братства развитыхъ всецѣло, (или *интегрально* развитыхъ, какъ говорятъ западноевропейскіе социалсты) индивидуумовъ, тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ восхваленіе „Набата“ вліянія теперешнихъ фабрикъ на стираніе особенностей индивидуальных, — и за тѣмъ, немного только подумавши, долженъ такъ же отнестись и къ вліянію военно-бюрократическихъ государствъ на

когда, хоть въ видѣ агитаціи въ пользу якобинскаго конспираціонизма, все таки проповѣдовалъ необходимость политической революціи въ Россіи въ то время, когда доктрины, социаль-демократы и анархисты считали возможнымъ цѣлкомъ перенести въ Россію политику разныхъ фракцій Интернаціонала, выросшаго тамъ, гдѣ уже люди добились известной политической свободы. — Надо также прибавить, что статья «Набата», изъ которой мы сдѣлали выписку, написана противъ брошюры «Записки южнорусскаго социалиста», въ которой между прочимъ употреблено довольно неудачное выраженіе о необходимости «націонализированія социализма», хотя, при доброй волѣ, можно было легко понять, что тутъ дѣло идетъ не объ идеяхъ социализма, кторія, какъ всякія идеи, всемірны, а о практическомъ примѣненіи, ихъ пріемахъ пропаганды, и ея организаціи, — которые, неизбѣжно, должны быть локализованны, и слѣдовательно и націонализированы. (См. объ этомъ въ IV томѣ, «Громылы», «Впередъ и націонализированіе социализма». «Мы и «Набатъ»). А самъ «Набатъ» долженъ былъ признаться, что онъ согласенъ на «націонализированіе средствъ» социально-революціонной дѣятельности, — только идеи объ этой націонализациі заглазились у него сдѣленіемъ понятія о націи съ понятіемъ о государствахъ.

*) Нѣкоторыя данныя относительно того, какъ именно денационализация напр. украинскіхъ крестьянъ подъ вліяніемъ великорусскихъ фабричныхъ и армейскихъ условій жизни прямо ведетъ къ ихъ деморализаціи во всехъ смыслахъ этого слова, читатель найдетъ въ нашей книгѣ «Нові українські пісні про громадські справи»; на представленныхъ тамъ примѣрахъ видно кромѣ того, что именно высшая культура украинскаго міщанина, казака и крестьянина стала съ XVIII в. уступать передъ низшей великорусской культурой единственно въ дѣствіе грубаго давленія государственной власти, а потомъ подъ вліяніемъ создавшагося оу обрусенія образованныхъ классовъ, удаленнаго ихъ отъ простоародья. «Космополитизирующее вліяніе науки» тутъ ни при чемъ! — Прибавимъ еще замѣчаніе — впрочемъ, не наставляя на его точности, — что, по нашимъ наблюденіямъ надъ овеликорусскими украинцами, когда національный характеръ разлагается подъ чужимъ несвободнымъ вліяніемъ, то получаемая такимъ образомъ помѣсь усваиваетъ преимущественно дурныя качества чужой національности и теряетъ именно хорошія качества своей.

стирание национальностей, — т. е. собственно национальностей негосударственных.

Впрочем самъ „Набатъ“ проговаривается такъ, что можно думать, что онъ самъ замѣчаетъ весь софизмъ, заключающійся въ увѣреніи, будто военно-бюрократическое государство имѣетъ космополитизирующее вліяніе и стираетъ *все* національности, а не одни только побѣжденные. Когда ему приходится говорить о разныхъ національностяхъ въ частности, то онъ забываетъ заявленіе, что для него нѣтъ „ни эллина, ни іудея“, — а явно склоняется на сторону национальностей господствующихъ, при чемъ поляковъ поставлѣетъ въ рядъ послѣднихъ, даже въ противоборствѣ съ учениемъ о необходимости образованія напр. „общеруссовъ въ Россіи“. Съ явнымъ умысломъ газета перечисляетъ народы въ такомъ порядкѣ: „якуты, чувашы, малоруссы“ съ одной стороны, — и „великоруссы, поляки, нѣмцы, французы“ съ другой (стр. 68), а перечисляя народы, изъ которыхъ русское государство „должно“ вытѣпливать „общенациональный“ типъ, — „Набатъ“ называетъ „великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, финновъ, латышей“, но не называетъ поляковъ. Конечно, со стороны московской катковщины такое распредѣленіе и забвеніе нелогично, — но оно будетъ вполне логично, если стать въ одно время на точки зрѣнія катковщины московской и польской, на какихъ очевидно стоитъ органъ „русскихъ революціонеровъ“. Сдѣланная же выше выписка изъ „Набата“ вполне подходитъ къ идеямъ и польской катковщины: поляки имѣютъ остатки своего завоевательно-бюрократическаго государства въ Галиціи, имѣютъ свою аристократію и буржуазію, даже и въ земляхъ, подчиненныхъ другимъ государствамъ, особенно въ Россіи; — какъ же не признать за ними права вытѣпливать изъ національностей латышской, литовской, бѣлорусской и украинской свой „общенациональный“ типъ, — своихъ „общепольковъ“?

Такимъ образомъ мы съ „Набатомъ“, ѣдучи впередъ по дорогѣ къ общечеловѣческому социализму, прѣехали назадъ къ доктринѣ исторической Польши! Само собою разумѣется, что „Набатъ“ вполне сочувственно относится къ польскимъ революціоннымъ стремленіямъ. Но специально по вопросу объ исторической Польшѣ онъ не высказался ясно, быть можетъ, потому что и не имѣлъ къ тому случая. Но одинъ разъ онъ высказалъ советъ не космополитическо-соціалистическую нѣжность къ остатку исторической Польши въ Галиціи. Разбирая нашу брошюру „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“, и встрѣтивъ въ ней указаніе на то, какъ польская аристократія и буржуазія съ бюрократіей гнетутъ галицкихъ русиновъ, — „Набатъ“ замѣтилъ: „чрезвычайно странно и прискорбно встрѣчать какія бы то ни было косвенныя или прямыя отрицанія чему бы то ни было польскому на страницахъ славянскихъ революціонныхъ изданій“, — при чемъ изложилъ нашу мысль такъ, какъ будто бы мы говорили, что

гнететъ русиновъ въ Галиціи „народъ польскій“. (Наб., 1877, № 3—6).

Такимъ образомъ, если только „Набатъ“ представляетъ хоть какія нибудь фракціи великорусской демократіи, напр. что нибудъ въ родѣ „якобинцевъ или бланкистовъ“ („Набатъ“ прежде и назывался обыкновенно „якобинскимъ“ органомъ), — то отношеніе этихъ фракцій къ полякамъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, можетъ быть только одно изъ двухъ: или онѣ составятъ самую лѣвую сторону всеобруствѣнной катковщины, — (въ родѣ напр. многихъ демократовъ-германизаторовъ въ Пруссіи и Австріи) или при первомъ случаѣ, (а случай такой долженъ, по нашему мнѣнію, скоро представиться, такъ какъ польскій вопросъ не можетъ не подняться въ тѣперешнее время въ Россіи) присоединятся къ польскимъ историческимъ патриотамъ, сначала самаго лѣваго направленія, а потомъ, неизбежно, и къ коалиціи правыхъ и лѣвыхъ партій среди этихъ патриотовъ. Последнее наиболѣе вѣроятно, — и въ такомъ случаѣ историческая роль этихъ фракцій вполне ясна: полякамъ онѣ не помогутъ, а послужатъ только лишнимъ оправданіемъ для московской реакціонной катковщины.

Извѣстно, что „Набатъ“ представляетъ по многимъ вопросамъ противоположность другому органу великорусскихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, „Впередъ“. Но по вопросу негосударственныхъ национальностей и, конечно, по вопросу польскому, между обоими органами не оказалось почти никакого различія. Мы впрочемъ должны остановиться на „Впередѣ“ подольше, такъ какъ этотъ органъ имѣлъ случай высказаться по занимающимъ насъ вопросамъ гораздо болѣе систематично и съ большими подробностями.

„Впередъ“ начинался, какъ извѣстно, въ Цюрихѣ въ 1872—73 гг., среди борьбы тѣхъ кружковъ, которые къ нему примкнули, съ т. наз. бакунистами, или ан-архистами, — и уже поэтому въ немъ должны были найтись себѣ мѣсто мысли, которые составляютъ родъ уступки со стороны великорусскихъ социалъдемократовъ этимъ бакунистамъ, какъ напр. признаніе принципа федеральнаго и нѣкоторыя всеславянскія стремленія. Но надъ всеми этими уступками въ „Впередѣ“ преобладаетъ основная государственная идея, — на манеръ идеи нѣмецкихъ социалъ-демократовъ, а потому и въ вопросѣ объ организаціи социалистическаго движенія въ Россіи „Впередъ“ сталъ не только на федерально-народную основу, сколько на государственно-национальную.

„Впередъ“, конечно, признаетъ необходимость мѣстныхъ и слѣдовательно национальных приспособленій въ работѣ для осуществленія интернациональных стремленій социализма. Въ программѣ „Впередъ“ читаемъ: „приходится дѣйствовать въ *данной* мѣстности, на общество, говорящее *данными* языкомъ“, — по этому и „национальности представляютъ совершенно реальную и неизбежную почву для cadaго общественаго процесса“. Но когда пришлось опредѣлить, ка-

кова же именно та *данная* почва, на которой думаетъ дѣйствовать „Впередъ“, — у послѣдняго не оказалось ясныхъ опредѣленій. Разъ онъ говоритъ о „Россіи“ какъ о своемъ „*отечествѣ*“, въ другой о „*русскомъ народѣ*“, какъ о своемъ народѣ, — а потомъ когда „Впередъ“ говоритъ о „спеціальныхъ русскихъ цѣляхъ“ и „русскихъ интересахъ“, то советъ нельзя понять, что онъ подъ ними разумѣетъ: совокупность ли спеціальныхъ цѣлей и интересовъ *всѣхъ данныхъ* национальностей Россіи, — какъ государства, которое не советъ точно называютъ русскимъ государствомъ (къ сожалѣнію прилагательное *россійскій* рѣдко теперь употребляется въ русской литературѣ) или же цѣли и интересы дѣйствительнаго „рускаго народа“. Не менѣе темны остаются и представленія „Впередъ“ объ этомъ русскомъ народѣ. Какъ извѣстно, о русскомъ народѣ (и соотвѣтственно — о языкѣ) существуетъ въ Россіи три главныхъ мнѣній. По первому, народъ этотъ — единообразенъ во всемъ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура, такъ что различія его, даже такіе, какъ великобѣло- и мало-русскія до того ничтожны, что не имѣютъ никакого практическаго значенія, при чемъ племя великорусское считается за представителя *всѣхъ* остальныхъ. По второму, „русскій народъ“ есть только отвлеченіе, — въ дѣйствительности представляемое двумя „русскими народностями“, великобѣлорусскою и украинскою, — или великорусскою и украинско-бѣлорусскою, — или же тремя народностями. Третье мнѣніе, — какъ среднее между предыдущими, признаетъ дѣй или три крупныя разновидности рускаго народа и цѣлѣнное практическое значеніе ихъ, но не признаетъ за различіями этихъ разновидностей такой силы, которая бы давала основаніе считать ихъ за вполне самостоятельныя націи. Первое мнѣніе принимается правительствомъ и представляется въ печати, напр. г. Катковымъ, впрочемъ только г. Катковымъ — публицистомъ съ 60-хъ годовъ, потому что Катковъ-ученый 40—50-хъ годовъ примыкалъ скорѣе даже ко второму, чѣмъ къ третьему мнѣнію. Это второе мнѣніе раздѣляютъ почти все ученые филологи и этнографы въ Россіи и за границей. *) Третье мнѣніе раздѣляли прежніе московскіе славянофилы и въ томъ числѣ г. Н. Аксакъ еще въ „Днѣ“ 1862—64 г. (теперь онъ пристраиваетъ вполне къ катковскому мнѣнію).

Каждому изъ этихъ теоретическихъ мнѣній соотвѣтствуетъ и практическая программа, — литературная и политико-соціал. Понятно по этому, что и партія социалистическая, которая признала необходимость опираться на *данныя* національности, съ ихъ *данными* языками, — должна была

*) Такимъ образомъ выходитъ очень курьезное обстоятельство: о разнообразіи рускаго народа учатъ въ книгахъ и съ кафедръ, а единообразіе проповѣдываютъ только въ нѣкоторыхъ газетахъ; правительство же согласно съ газетными неужами и софистами, и руководствуется ихъ голосами въ такъихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ напр. народное образованіе. Что если бы подобнымъ же образомъ выражалось правительство советниковъ напр. по вопросамъ объ архитектурѣ. То бы костей поломали! А мозги все стерли бы!

начать съ выбора между вышеизложенными тремя понятіями о „русскомъ народѣ“, — какъ только она выбрала за почву для своей дѣятельности этотъ народъ. Бакунины напр., какъ мы видѣли, заговоривъ въ Лигѣ Мира и Свободы объ этомъ народѣ, прямо пачалъ съ того, что отвергъ мнѣніе о его единствѣ и за тѣмъ, сообразно этому отрицанію, построилъ необходимость самостоятельной организаціи трехъ его частей, — а приступивъ къ агитаціи среди нихъ, онъ пустилъ въ ходъ, хоть и не совсѣмъ удачно, — и публикацію не только на великорусскомъ, но и на украинскомъ языкѣ. Очевидно, что при катковскомъ взглядѣ на единство русскаго народа и при желаніи дѣйствовать для всѣхъ его частей, редакция „Впередъ“ порекомендовала бы своимъ единомышленникамъ ограничиться только публикаціями на великорусскомъ языкѣ, какъ на русскомъ по преимуществу; — при Костомаровскомъ взглядѣ пришлось бы и самый „Впередъ“ издавать, по крайней мѣрѣ на двухъ языкахъ, или раздѣлить на два изданія, особенно въ виду того, что „Впередъ“ получалъ не мало средствъ изъ Украйны; при старо-аксаковскомъ взглядѣ можно бы было сохранить великорусскій языкъ, какъ языкъ „общества“, — для такъ называемыхъ „интеллигентныхъ“ читателей, — а рядомъ издавать элементарныя книжки и листки для читателей изъ „народа“, или изъ „простонародья“, — въ родѣ того, какъ это недавно предположила было дѣлать редакция „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки.“*)

Къ сожалѣнію, „Впередъ“, въ противуположность Бакунину, не поставилъ ясно вопроса о томъ, что же такое тотъ русскій народъ, русская національность, русскій языкъ, т. е. тѣ данныя, на которыхъ онъ предполагилъ опереться, и не рѣшилъ этого вопроса вообще. Въ частности же, гдѣ „Впередъ“ говоритъ о народномъ бытѣ, или объ исторіи, видно, что для него слово „русскій“ — синонимъ слова „великорусскій“. Такъ напр. въ статьѣ „Счеты русскаго народа съ династіей Романовыхъ“ читаемъ: „Тому дѣсти шестьдесятъ лѣтъ *русскій народъ* общими усилиями освободилъ Москву... и земскій соборъ *русской* земли избралъ перваго Романова въ *московскіе* цари. Съ тѣхъ поръ (1613) начались счеты между домомъ Романовыхъ и русскимъ народомъ.“ Всякій знаетъ, что въ „общемъ усилии“ 1613 г. участвовали только великорусы, — а украинцы и бѣлорусы были тутъ ни при чемъ, (или были скорѣе противъ Романова, въ войскахъ польскаго короля), — почему историки-федералисты, говоря о событіяхъ того времени, употребляли такія выраженія, какъ „*Великорусскія* области и смутное время“, (Щаповъ) или „Смутное время въ *Московскомъ* государствѣ“ (Костомаровъ). Счеты украинцевъ и бѣлорусовъ съ домомъ Романовыхъ начались нѣсколько позже, — а именно съ

козацкихъ договоровъ на Украйнѣ и съ городскихъ въ Бѣлорусіи въ 1654 г. Но объ этихъ договорахъ, — гораздо болѣе определенныхъ, чѣмъ сомнительная записъ, взятая будтобы съ перваго Романова великорусскимъ земскимъ соборомъ, и вообще о счетахъ украинцевъ и бѣлорусовъ съ Романовыми „Впередъ“ не упомянулъ вовсе, — хотя въ той же статьѣ говорится о преступленіяхъ Романовыхъ противъ Польши, а также о томъ, что галичане, сербы, чехи и пр. славяне „не могутъ вѣрить Романовымъ, обманувшимъ русскій народъ“. Только въ одномъ мѣстѣ „Впередъ“ прикоснулся къ этимъ счетамъ, въ словахъ: „не гнало ли правительство школъ на югъ *Россіи*, подъ предлогомъ сепаратизма, — въ букварахъ?“ Но мѣсто это двойнѣ и не ясно, и не точно: во первыхъ, что это за югъ *Россіи*? Скрываетъ ли подъ собою это географическое выраженіе, — родственное тѣмъ, которыя придумываетъ русское правительство, или подцензурная печать для названія областей съ особымъ отъ великорусскаго населеніемъ, — какое нибудь этнографическое понятіе, или пѣть? А во вторыхъ, — если выписанное выраженіе относится къ Украйнѣ, а не напр. къ Самарской губерніи, — то на Украйнѣ главная бѣда не въ томъ, что русское правительство „закрываетъ школы подъ предлогомъ сепаратизма въ букварахъ“, — (закрывало оно школы и въ Петербургѣ, „подъ предлогомъ“ того, что въ нихъ читали „Молодую Россію“) а въ томъ, что оно въ 1863 г. сначала синодскимъ и валуевскимъ распоряженіемъ по цензурѣ запретило печатаніе украинскіхъ книгъ педагогическаго содержанія, а потомъ „Положеніемъ о школахъ 1864 г.“ окончательно изгнало изъ школъ на Украйнѣ, какъ и въ Бѣлорусіи, иной языкъ, кромѣ „русскаго“, великорусскаго. Вотъ повеликоруссамъ и было интересно знать мнѣніе новаго органа „русскихъ социалистовъ“ о такихъ счетахъ невеликорусскихъ народовъ съ великорусскимъ государствомъ. Если русскій народъ одинъ и на Днѣпрѣ, и на Нѣманѣ, какъ и на Волгѣ, — тогда и предписанное Положеніемъ 1864 г. единообразіе (предписанное, какъ обыкновенно дѣлается въ законахъ, однимъ умолчаніемъ о другихъ языкахъ, кромѣ „русскаго“, — великорусскаго), не составляетъ никакого преступленія противъ народовъ украинскаго и бѣлорусскаго. „Впередъ“ ничѣмъ не выразилъ своего мнѣнія о такихъ мѣрахъ правительства Романовыхъ къ поддержанію, — или, лучше, къ установленію единообразія „русскаго народа“ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ „единству“ же Россіи „Впередъ“ относится симпатично, говоря, что „избраніе перваго Романова было выраженіемъ общенароднаго желанія поддержать единство *Россіи*“ и что „народъ русскій желалъ единства, выдержалъ тяжелую борьбу за это единство“, — которое, какъ извѣстно, выразилось сначала въ московской, а потомъ петербургской централизациі, — подъ династіями рюриковской, и романовско-голыштинской, изъ которыхъ послѣдняя такъ не правится „Впереду“.

Полагаетъ, выписанныхъ мѣстъ доста-

точно, чтобы показать, что „Впередъ“ принимаетъ слово „русскій“ народъ за синонимъ „великорусскаго“, а въ частности можетъ быть причисленъ скорѣе къ тѣмъ изъ употребляющихъ въ такомъ смыслѣ это слово, которые не признаютъ за достойныя вниманія особенности невеликорусскихъ народовъ, нежели къ тѣмъ, которые, сохраняя имя русскихъ только для великоруссовъ, въ тоже время признаютъ бѣлорусовъ и украинцевъ за самостоятельныя племена, со всѣми практическими послѣдствіями такого признанія. Что „Впередъ“ понимаетъ слово „русскій“ и „Россія, наше отечество“ въ великорусско-централистическомъ смыслѣ, это видно всего лучше въ томъ мѣстѣ его программы, въ которомъ говорится объ отношеніяхъ Россіи и Польши. Это мѣсто тѣсно связано съ тѣмъ, что великорусскій органъ говоритъ о славянскихъ дѣлахъ вообще, — по этому мы выпишемъ изъ „Впередъ“ довольно большую тираду, тѣмъ болѣе, что, какъ читатели наши могли уже замѣтить на примѣрѣ Бакунина, характеръ отношеній великорусскаго публициста къ вопросу польско-россійскому обуславливаетъ и его отношенія къ славянамъ вообще.

„Живыми партіями въ средѣ славянъ, — говоритъ „Впередъ“, — мы признаемъ лишь тѣ, которыя напишутъ на своемъ знамени, рядомъ съ девизомъ независимой національности, девизъ соціальной борьбы противъ монополіи частныхъ собственниковъ и капиталистовъ, научной борьбы противъ религіознаго элемента. Для насъ бесмысленна и достойна сожалѣнія борьба національности, которая скрываетъ своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православія или католицизма, безправственыя преданія феодализма, боярства или шляхетства. Соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови; ихъ передовымъ кружкамъ мы съ радостью откроемъ страницы нашего журнала; мы будемъ рукоплескать ихъ побѣдамъ; мы надѣемся, что имъ и только имъ удастся возстановить независимость ихъ родины... Мы вполне увѣрены, что всѣ наши единомышленники въ Россіи... хотѣли бы выстѣть съ нами... чтобы наше „Впередъ“ сдѣлалось программною славянской федераціи, органомъ всѣхъ славянъ, дошедшихъ до сознанія, что будущее для славянства, какъ и для всего человечества, заключается въ девизѣ: наука и община, истина и трудъ, война идоламъ и монополіи!“

„Это разрѣшаетъ и самый трудный, по видимому, для русскаго вопросъ, вопросъ польскій. Кто поставилъ интересы хлоповъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ, тотъ нашъ братъ и союзникъ. Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне малое значеніе. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ между Россіею и Польшею, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предъ-

*) Къ стати будетъ сказать, что до сихъ поръ всѣ, кто писалъ популярныя вещи напр. на украинскомъ языкѣ, писали на немъ и для „интеллигенціи“. Уже изъ этого видно, что раздѣленіе языковъ: для интеллигенціи и для народа не только не демократично, но и непрактично.

идушей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному или социальному центру она потянетъ. При дальѣйшемъ же самодержавіи общинъ различіе національностей становится лишь блѣднымъ преданіемъ исторіи, безъ практическаго смысла. Защитники преобладанія шляхты и союзники католицизма — враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польскаго.

Такимъ образомъ для редакціи „Впередѣ“ во первыхъ „Россія“, за исключеніемъ провинцій несомѣнно польскихъ, есть „національность“, а во вторыхъ, для провинцій такъ сказать сомнительныхъ она не предполагаетъ иного исхода, какъ только выборъ одной изъ двухъ національностей, одного изъ двухъ государственныхъ и даже какихъ-то социальныхъ (экономическихъ??) „центровъ“, — или Польши, или Россіи, т. е., конечно, Великороссіи. А такъ какъ Великороссія въ частности нигдѣ и не соприкасается съ собственно польскими землями, а потому нигдѣ и не найдется такаго община, о которой бы пришлось узнавать, хочетъ ли она примыкать къ Польшѣ, или къ Великороссіи, — то слѣдовательно рѣшать таковую дилемму единомышленники „Впередѣ“ будутъ предлагать только общинамъ украинскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ, о самомъ существованіи которыхъ нѣтъ во всей программѣ „Впередѣ“ ни одного слова. Этимъ общинамъ не полагается третяго рѣшенія, напр. въ смыслѣ полной самостоятельности отъ обоихъ предполагаемыхъ редакціей „центровъ“. Такимъ образомъ мы наталкиваемся здѣсь опять на двѣ катковщины: — великорусскую и польскую!

Послѣ всего сказаннаго выше мы считаемъ излишнимъ возражать противъ этихъ двухъ катковщинъ, — и потому мы бы и совсѣмъ не говорили больше о выписанной изъ „Впередѣ“ тирадѣ, если бы въ той части ея, которая говоритъ о славянскихъ социальныхъ партіяхъ не было одного пункта, котораго нельзя пропустить безъ вниманія. Пунктъ этотъ заключается въ словахъ: „социальная партія Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови.“ Знакомые съ дѣломъ читатели усомнятся, конечно, смѣшеніе понятій о государствахъ съ понятіемъ о національности и во всемъ этомъ перечисленіи. Но особенно страннымъ является сопоставленіе социальныхъ партій Польши и Галичины. О какой Польшѣ тутъ идетъ рѣчь? Если, какъ слѣдуетъ думать по сейчасъ сказанному, о Польшѣ исторической, — (такъ какъ границы Польши народной, этнографической извѣстны и теперь безъ спроса общинъ), — то и Галичина вся есть часть исторической Польши, а слѣдовательно никакой социальной партіи галицкой, отдѣльной отъ польской быть не можетъ. Если же тутъ говорится о Польшѣ народной, то въ нее входитъ и западная Галиція, слѣдовательно въ области галицкой социальной партіи останется только восточная Галиція, которую дѣйствительно можно назвать Галичиной. Но эта Галичина заселена народомъ русинами, которые ничѣмъ не отличаются

отъ народа подольской и волынской губерній, который „Впередѣ“ предположилъ еще спрашивать, хочетъ ли онъ потянуть, или нѣтъ къ польскому центру? Галицкіе русины, какъ и русійскіе подольне составляють часть племени, или націи украинской. Но если можетъ быть социальная партія „галицкая“ въ Австріи, — то почему же не быть украинской партіи въ Россіи? Почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „Впередѣ“ говоритъ о русійской имперіи, онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ даже о возможности существованія политическихъ и социальныхъ организацій другихъ, кромѣ русской и польской, Россіи и Польши? Вѣдь „русины“ въ Галиціи стоятъ совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ полякамъ (Польшѣ), въ какихъ „малороссы“ стоятъ въ имперіи Романовыхъ къ великоруссамъ (Россіи). Или, быть можетъ, романовскіе „русины“ включены въ число тѣхъ „другихъ племенъ“, о которыхъ говоритъ программа „Впередѣ“ нѣсколько далѣе, обѣщая имъ, въ случаѣ успѣха „единомышленниковъ“ своихъ, — разныя политическія свободы (мысли, слова, ассоціаціи) съ довольно впрочемъ темною и, послѣ заявленій въ космополитическомъ духѣ, нѣсколько неожиданною оговоркою: „мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ чуждые общечеловѣческимъ (?) цѣлямъ и русскимъ интересамъ (?)“ всѣ частныя и мѣстные вопросы (?), лежащіе внѣ этой области? *).

Можетъ быть, романовскіе украинцы, равно какъ и бѣлоруссы, и включены въ число этихъ „другихъ племенъ“, — но можетъ быть, и не включены; можетъ быть, по мнѣнію „Впередѣ“, интересы ихъ вполне помѣщаются въ его „русскихъ интересахъ“. Судя по всему, выписанному изъ „Впередѣ“ выше, можно думать, что послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе. Понятно по этому, что „Впередѣ“ не только не могъ стать „органомъ всѣхъ“ славянскихъ социалстовъ, какъ онъ на то надѣялся, но даже не могъ дать своимъ единомышленникамъ въ Россіи вѣрнаго взгляда на организацію и способы пропаганды социалистическихъ учений среди разныхъ племенъ ея населенія. Боязнь же его рѣшительно выступить противъ всякаго попользованія и софизмовъ польскаго историческаго патріотизма заявленіемъ, подобно Бакунина, что истинная Польша — есть только страна, въ которой чернорабочія массы — поляки, — т. е. *Польша этнографическая*, поставила его на такую наклонную плоскость, по которой онъ чѣмъ далѣе, все болѣе долженъ былъ скользя въ сторону

*) Какъ отличенъ отъ блѣдныхъ и уклончивыхъ формулъ „Впередѣ“ ясный языкъ Бакунина, который еще въ 1862 г. писалъ отъ имени „русской революціонной партіи“: „Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, Финляндіи и Латвіи, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго“.

«Хотимъ братскаго и, если возможно, федеральнаго союза съ Польшою, Литвою, Україною, Прибалтійскими жителями и народами Закавказскаго края. (Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ или Пестель, 41—42).

уступокъ польскому историческому патріотизму. И если этими уступками „Впередѣ“ не надѣлать большихъ бѣдъ, ни полякамъ, ни социалистическому движенію въ Россіи, то только потому, что время, когда онъ выходилъ, было довольно глухое относительно польскихъ дѣлъ и потому единомышленники „Впередѣ“ могли обнаруживать свою уступчивость передъ польскимъ историческимъ патріотизмомъ только платоническими манифестаціями. Таковы напр. были въ особенности рѣчи г. П. Лаврова на банкетахъ даваемыхъ въ Лондонѣ въ 1875 г. и описанныхъ во „Впередѣ“ 1875, №№ 3 и 24.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДАРКИ ТЕРРИТОРИИ

сдѣланные нашими правителями иностраннымъ державамъ.

(Письмо къ редактору).

(Окончаніе)

Правленіе императора Николая, казалось, было особенно посвящено поддержанію и увеличенію внѣшняго могущества Россіи; оно было ознаменовано не только военными, но и дипломатическими успѣхами, и русская дипломатія достигла въ эту эпоху апогея своей славы. Обращаясь, однако, къ специальному предмету этого изслѣдованія, территориальнымъ уступкамъ, нельзя не замѣтить, что онѣ были также значительны и также трудно объяснимы, какъ и въ предъидущій эпохи. 27 декабря 1825 г. ст. ст. была ратификована, заключенная еще при Александрѣ I, конвенція о разграниченіи русскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ съ англійскими, въ февралѣ же 1826 г. была заключена такая же съ Соединенными Штатами. Обѣ эти конвенціи почти неизвѣстны въ Россіи, а между тѣмъ онѣ весьма замѣчательны: „разграниченіе“ (délimitation) съ Англіей состояло въ перенесеніи русской границы отъ Скалистыхъ горъ, по хребту которыхъ она проходила, на западъ до 142 градуса западной долготы (считая отъ меридіана проходящаго черезъ Гриничъ) оставляя между 142 и 130 градусами только узкую полосу берега и нѣкоторые острова; сѣверную часть приобрѣтенной страны, англійское правительство отдало Годсонбейской компаніи, изъ южной же образовало территорію British Columbia. Разграниченіе съ Соединенными Штатами было просто отказомъ отъ юго-восточной части русскихъ владѣній, составившихъ въ послѣдствіи Штатъ Орегонъ и территорію Вашингтонъ. Уступленія страны были важны не только по ихъ неизбѣримому пространству, но и по изобилію пушнаго звѣря; съ этой поры возникаетъ англійская и американская мѣховая торговля, которая въ послѣдствіи вытѣсняетъ отовсюду русскую и отнимаетъ у насъ одинъ изъ значительныхъ предметовъ вывоза.

Но территоріи эти были открыты, завоеваны и отчасти заселены, не русскимъ го-